

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

УДК 821.161.1.09"20":378

Ю. В. Лебедев

Костромской государственной университет
y.v.lebedev@yandex.ru

О МОИХ УЧИТЕЛЯХ

В статье с большой теплотой и уважением рассказывается о вузовских преподавателях литературы, оказавших ключевое влияние на выбор жизненного пути автора, ставшего известным литературоведом и педагогом.

Ключевые слова: литературоведение, историко-литературный процесс, учитель, педагог, Н. Н. Скатов, В. Я. Бахмутский.

Yu. V. Lebedev

Kostroma State University

MY TEACHERS

With great warmth and respect the article relates the author's encounters with the Institute professors who influenced his further life's choice as a specialist in literature and lecturer.

Keywords: literature studies, the historical and literature process, teacher, N. N. Skatov, V. Ya. Bakchmutsky.

1

Мой выбор педагогического поприща был связан с увлечённостью литературой, с любовью к сельской школе и к деревенской природе. «Лес о тебе соскучился, – писала мне мама. – Ждёт тебя. Кажется, дом и тот тоскует, наверное, оттого так и холодно в нём. Дорого нам и делает нашу жизнь светлой то, что ты любишь дом, родину, нас...» Мама была права. Я действительно долгое время не мыслил себя городским жителем. Именно потому в августе 1957 года я и решил поступить на только что открытый в Костромском пединституте историко-филологический факультет с надеждой вернуться потом в родное село учителем.

Но жизнь моя сложилась иначе. Уже на первом курсе нас встретил молодой преподаватель, который сыграл ключевую роль в моей судьбе. Вместо школьного учителя он направил мой жизненный путь на стезю литературоведа, историка русской литературы. Этим преподавателем был Николай Николаевич Скатов. В первом семестре он читал нам курс введения в литературоведение. Все его лекции я, несмотря на свою вызывающую тогда безалаберность, аккуратно посещал и записывал. Тетрабочка с этими записями хранится у меня до сих пор, как драгоценная реликвия. Покоряла его эрудиция, широта культурных интересов, духовная независимость и свобода. К нему тянулись молодые сердца, к его советам прислушивались. За короткое время работы в Костроме он стал учителем и воспитателем целого поколения костромских литературоведов: В. А. Благово, Б. М. Козлов, А. М. Крупышев, В. В. Тихомиров, А. В. Торопова...

Николай Николаевич умел в своих лекциях не только увлекать эмоциональным освещением литературного материала, но и пробуждать научную интуицию, развивать творческий потенциал, воспитывать исследовательские умения и навыки студентов. Второй семестр второго курса ознаменовался для нас его лекциями по «Истории русской литературы XIX века», которые он читал в течение полутора лет. В отличие от многих талантливых педагогов, у которых нам посчастливилось учиться, Николай Николаевич пробуждал в нас не только любовь к литературе, но и живой интерес к историко-литературной науке, которая в его освещении открывалась нам полной тайн и ещё не разгаданных загадок. Так, как он делал это в своих лекциях и на практических занятиях, среди наших педагогов не умел делать никто. В его лекциях открывался высокий гуманитарный смысл литературоведения как науки, имеющей прямое отношение к самим основам национальной жизни, к генетическим корням её.

Это было литературоведение, адресованное всем и каждому, доступное и понятное, обладающее живым, образным, художественным языком.

Особое внимание он уделял не только разбору творчества отдельных писателей-классиков, но и анализу их окружения. Писатель у него погружался в литературный процесс, открывался перед нами как в творческой индивидуальности, так и в диалогической связи с общим движением отечественной литературы.

Николай Николаевич показывал, как во взаимодействии и диалоге русские писатели на наших глазах формировали индивидуальный облик национальной литературы. Творчество одного писателя открывалось навстречу другому, в многообразии просматривалось единство: внутри самой литературы выявлялся закон «общественной солидарности», упраздняющий непроницаемость отдельных художественных течений, направлений и школ.

Живой взгляд на писателя опирался в его лекциях на прочный фундамент исторической эпохи, литература включалась в общественную жизнь. Особую роль в его курсе играли обзорные лекции, в которых от литературных вершин мысль обращалась к писателям второго ряда, к раскрытию существенных сторон историко-литературного процесса в самом глубинном его течении. Национальная литература интересовала Н. Н. Скатова не только в лице отдельных и ярких её представителей, но и в её уникальном художественном единстве, в её национальном своеобразии, раскрывающемся на фоне западноевропейских литератур. Именно потому Николай Николаевич начинал свой курс необычно – с вводной лекции «Мировое значение русской литературы». После такого введения при изучении отдельных писателей в сознании студента не угасало ощущение художественного единства русской литературы, её неповторимого национального лица.

Замечательно, что литературная критика в те годы ещё не отпочковалась в особую дисциплину, и Николай Николаевич включал лекции о классиках русской критики в общий историко-литературный процесс. Более того, на четвёртом курсе мы слушали теоретический спецкурс Николая Николаевича о литературной критике и эстетике В. Г. Белинского. Этой проблеме была посвящена его кандидатская диссертация «В. Г. Белинский о критике. (Проблема критики в эстетике В. Г. Белинского)», которую он защитил в 1959 году.

Именно Николай Николаевич приобщил меня к чтению серьёзных литературоведческих книг. Он посоветовал приобрести монографию Г. А. Гуковского «Пушкин и проблемы реалистического стиля» (М., 1957). Я купил её в книжном магазине, где в то время находился упразднённый ныне «за ненадобностью», а в те годы довольно богатый отдел «Литературоведение», и не просто прочёл, но тщательно её законспектировал. С этой книги началось для меня глубокое увлечение историей русской литературы, которое мне суждено было пронести через всю жизнь. А на четвёртом курсе под руководством Николая Николаевича я начал работу на тему «Романтизм Лермонтова», которую предложил потом в качестве реферата при поступлении в аспирантуру.

В своих лекциях Николай Николаевич стремился показать непреходящее значение тех художественных открытий, которые составляют душу нашей классики, сохраняют её вечную актуальность. Не случайно одну из своих книг он назвал потом «Далёкое и близкое». От «далёкого» мысль лектора устремлялась к «близкому»: раскрывая то, что сменяется, он обращал внимание студентов на то, что стоит, что удерживается неизменным в глубинном существе русской жизни. В своих лекциях Николай Николаевич показывал, что классическая русская литература торжествует над течением времени: наше прошлое оказывалось в самом прямом смысле нам близким, а наша современность, по неумолимой логике органического роста жизни и литературы, напоминала о далёком, в новых исторических условиях заново воскрешая его.

Такой подход к изучению литературы был далеко не безопасным в те годы, хотя они и вошли в летописи отечественной истории XX века под названием «оттепели». Николай

Николаевич, конечно, рисковал, когда в лекции о романе Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия», например, недвусмысленно намекал нам на «современность» ключевого слова «годить», провозглашаемого как образец благонамеренного поведения для русской интеллигенции. Раскрывая книгу и озорно поглядывая на аудиторию, Николай Николаевич читал: «Русские вы, а по-русски не понимаете! чудные вы, господа! Погодить – ну, приноровиться, что ли, уметь вовремя помолчать, позабыть кой об чём, думать не об том, об чём обыкновенно думается, заниматься не тем, чем обыкновенно занимаетесь... Например: гуляйте больше, в еду ударьтесь... Вот это и будет значить “погодить”» (2, 7).

2

А между тем во втором семестре второго курса у нас появился новый преподаватель зарубежной литературы – Владимир Яковлевич Бахмутский. Это был для нас второй щедрый подарок. Помню, как он явился в аудиторию сразу же после зимних каникул 1959 года и спросил, на чём остановилась в своих лекциях читавшая до него курс зарубежной литературы XVIII века Елена Борисовна Демешкан. Мы посетовали, что курс свой она дочитать не успела, что мы не слушали лекций о творчестве Гёте. «Ну, хорошо, начнём с Гёте», – с улыбкой сказал Бахмутский.

А далее случилось что-то необычное и непривычное. Голос преподавателя изменился, стал торжественным и напевным, в нём появилась неземная, далёкая от обыденной жизни интонация. Как будто грешный наш язык был не в силах проникнуть в тайны словесного искусства, и нужно было решительно изменить его, подняться над его будничной ипостасью, чтобы с его помощью эти тайны открылись нам. Казалось, что через лектора, через его вдумчивое, поющее слово, доносящееся оттуда, из глубины веков, с нами заговорил человек, лично знавший Гёте. Было такое ощущение, что произошла какая-то подмена, что устами нашего современника заговорил человек, обладающий пророческим даром всеведения и мудрым глаголом пророка.

Мы застыли в оцепенении, жадно ловили каждое слово, забыв о записи. А он ходил вдоль аудитории, погружённый в себя, изредка бросал взгляд в нашу сторону и вершил своё вдохновенное проникновение в жизнь и творчество Гёте. Постепенно, неторопливо и зримо раскрывалась нам глубина художественной мысли Гёте, неразрывно связанная с его личностью, с его эпохой. В течение десяти аудиторных часов мы погружались, как замороженные, в мир великого гения немецкой литературы, в мир «германского Пушкина». Это было торжество лекторского искусства, перед нами выступал человек, обладавший редким сердечным умом и даром художественного слова.

«Бахмутский живёт “вслух”, – сказала о нём в 1969 году, в дни его пятидесятилетия в Москве, коллега по кафедре Ольга Игоревна Ильинская. – Есть лекторы-ораторы, захватывающие слушателей эмоциональностью и блеском формулировок. Есть лекторы, не наделённые ораторским даром, но увлекающие глубиной и серьёзностью мысли. В лекциях Бахмутского есть изящество словесной формы, есть и глубина мысли. Но ему сверх того дана способность, которой обладают немногие. Его лекции – творческий процесс разыскания истины, в который втягивается вся аудитория. Анализируемое произведение предстаёт перед сознанием его слушателей многослойным и многозначным. Один за другим, как геологические пласты, в его лекциях обнажаются пласты смыслов произведения. Мы идем за лектором-исследователем все дальше и глубже, не отбрасывая уже найденного, но и не признавая его окончательным» (1, 286).

Под руководством Владимира Яковлевича я написал первую в своей жизни научную работу. По учебному плану мы, студенты историко-филологического факультета, кроме литературы и русского языка обязаны были писать курсовую работу по истории. Мне очень

не хотелось этим заниматься, и Бахмутский нашёл выход. Он предложил мне тему, которая с его благословения была зачтена как курсовая по истории: «Романтический историзм Гюго в романе “Собор Парижской Богоматери”». Работая над темой, я несколько раз посещал его в комнате студенческого общежития на проспекте Текстильщиков. В общении со студентами он не допускал фамильярности и держал дистанцию. Впрочем, в дружеской близости с ним и не было никакой нужды, потому что он в наших глазах оставался человеком не от мира сего. Он жил там, далеко и высоко от нас, в мире великих писателей прошлого. Мы и воспринимали его не иначе, как живым их современником.

Лекции Владимира Яковлевича произвели на меня такое сильное впечатление, что я испытывал удовольствие имитировать их вслух. По-видимому, это получалось у меня довольно удачно. Мои однокурсники частенько просили воспроизвести манеру его чтения, и я всегда охотно это делал. А летом 1960 года на пионерской практике в Кузнецове я «укрошал» по вечерам хулиганистых пионеров старшей группы лекциями «под Бахмутского», которые им очень нравились. Мальчишки, к удивлению лагерного начальства, дружно ложились в кровати до отбоя, чтобы послушать обещанную им очередную импровизацию о романах Бальзака, Стендаля или Гюго.

Последняя лекция, прочитанная им летом 1960 года, была посвящена творчеству Уитмена. Мы догадывались, что он покинет нас, хотя, оканчивая курс, он дал нам список текстов по истории зарубежной литературы новейшего времени. Эта прощальная лекция закончилась овациями. Гета Хромушина (Хомякова) от всего нашего курса поднесла в дар любимому преподавателю, отдавшему нам полтора года одухотворённого и радостного общения, книгу о творчестве Шекспира. Но боготворимый учитель принял восторги аудитории как-то отстранённо. Собрав свой портфель, он молчаливо поклонился и удалился от нас навсегда...

Была у меня после отъезда Владимира Яковлевича из Костромы лишь одна встреча с ним в апреле 1965 года. Я приезжал в Москву из Ленинграда в аспирантскую командировку и работал в отделе рукописей Библиотеки имени В. И. Ленина. Однажды, выйдя из Дома Пашкова, я встретил на улице Бахмутского, который разговаривал с приятелем. Как восторженный дурачок, я бросился к нему навстречу. Он с удивлением посмотрел на меня, как-то опасливо отстранился и вежливо пробурчал что-то похожее на приветствие. Но по выражению его лица я понял, что он или забыл меня, или устал от непрошенных и неуместных встреч со своими бывшими студентами. Теперь я могу его понять, но тогда мне было обидно, и какое-то горькое чувство осталось от этого случайного свидания.

Незадолго до его смерти я встретился в Щелькове с преподавателями литературы во ВГИКе и узнал с удивлением, что Бахмутский не только жив и здоров, но до сих пор заведует кафедрой и читает лекции. Я не выдержал и послал ему тёплое письмо, вложив его в томик «Сказок» Салтыкова-Щедрина, вышедший в свет с моей вступительной статьёй и комментариями. Ответа на моё ностальгическое послание я ждал, но так и не дождался...

Тамара Владимировна Сергеева, учившаяся у него во ВГИКе, очень тонко почувствовала и точно передала эту особенность характера Владимира Яковлевича: «Мне всегда казалось, что Бахмутский чувствовал себя одиноким. Почему? Не знаю. Такое складывалось впечатление. Такой была его улыбка, такими были его глаза... Он окружал себя невидимой, но такой осязаемой “преградой”, что, казалось, – подойти к нему можно только для того, чтобы спросить что-то о литературе. Ничем другим нагружать его невозможно, *немыслимо*, страшно...» (1, 313).

Я бережно храню записи лекций Бахмутского, но, к сожалению, забыл интонацию и ритм его речи. Раньше, стоило мне взглянуть в тетрадь, как тут же они оживали в памяти. А теперь старые записи «оглохли» и утратили свой живой аромат. Недавно я нашёл в интернете магнитофонное воспроизведение двух лекций Владимира Яковлевича, сделанное студентами

ВГИКа в 2001 году. Прислуживаясь к слабеющему старческому голосу моего кумира, я хотел воскресить в памяти былое. Но от того Бахмутского, которого мы слушали в 1959–1960-х годах, тут не осталось и следа.

И вот гляжу я в безмолвные студенческие тетрадки 57-летней давности, силюсь вызвать из небытия молодого Бахмутского, и слёзы набегают на мои старческие глаза: чернильные строчки расплываются, а далёкий, позабытый голос никак не хочет воскреснуть...

3

Но вернусь к коренному нашему любимцу. Благонамеренно «погодить» Николаю Николаевичу Скатову в Костроме, увы, не пришлось. Ещё Достоевский предупреждал: «Любит современный человек падение праведника и позор его». В 1961 году неожиданно для нас начались гонения на учителя, организованные в институте его недоброжелателями. Гроза надвинулась после того, как три молодых энтузиаста – Н. Н. Скатов, Ф. В. Цанн-кай-си и М. Ф. Пьяных – явились к директору института с серьёзными намерениями. Они настойчиво предлагали освободить студенческую жизнь от формализма, дать ей больше самостоятельности и свободы, проводить ежемесячные литературные среды с обсуждением новинок современной литературы, встречаться с костромскими писателями, обсуждать спектакли областного театра, знакомить молодёжь с новыми направлениями в современной музыке, а главное – разрешить критику институтских порядков в студенческих газетах «Педагог» и «Молодость». Особенную активность проявил в этом взыскательном разговоре Николай Николаевич Скатов.

Фёдор Маркович Землянский, директор института, читавший нам курс истории партии советского периода, насторожился. Неоправданно дерзким показалось ему такое настойчивое вольномыслие подчинённых ему беспартийных коллег.

Замечу, что Фёдор Маркович был участником обороны Сталинграда. С воодушевлением он освещал на лекциях по истории партии «10 сталинских ударов» по фашистской армии! Запомнился его рассказ о критическом положении наших войск в первый год войны, о тяжёлых сомнениях, которые посещали его тогда. С увлечением он рассказывал нам о трудолюбивом народе Китая, где ему пришлось побывать после войны. Фёдор Маркович умел освобождать свои лекции от формализма и официальности. Студенты его уважали.

Но старая партийная закалка конца 1930-х годов сказывалась как в его мировоззрении, так и в руководстве институтом. А «сигналы» о «вольностях», допускаемых Н. Н. Скатовым как в общении со студентами, так и на академических лекциях, ему давно уже поступали. Тут же, как водится, нашлись давно сидевшие на чеку завистники и недоброжелатели.

Решили проверить «благонадёжность» молодого учёного. На лекцию, посвящённую творчеству Салтыкова-Щедрина, не без рассчитанного умысла нагрянула комиссия, в которую вошли старые члены партии, испытанные большевики.

Николай Николаевич говорил, что в «Истории одного города» освещается жизнь вымышленного города Глупова с 1731 по 1825 годы, что в фантастических героях и событиях есть отзвуки реальных происшествий этого времени. Но Салтыков-Щедрин допускает «анахронизмы». Он показывает, что речь идёт о таких явлениях отечественной истории, которые остаются неизменными во все эпохи и все времена. И когда Николай Николаевич говорил о градоначальнике Двоекурове, который повелел глуповским обывателям сеять повсеместно горчицу и персидскую ромашку, у студентов возникала прямая связь с современностью: в те годы шла знаменитая «кукурузная эпопея» Никиты Сергеевича Хрущёва.

Лекция вызвала у молодёжи живую реакцию. Валерий Благово, сидевший на последней парте, то и дело вскакивал, улыбался, потирал руки, восторженно жестикулировал. Этот факт был отражён в протоколе комиссии, который я обнаружил потом в кафедральном архиве.

Судя по этому протоколу, комиссия оценила лекцию резко отрицательно. Не секрет, что некоторые коллеги с недоверием и завистью отнеслись к молодому учёному и педагогу. Его обвинили в антисоветских настроениях, намеревались лишить учёной степени и права преподавания в вузе. Уже состоялось обсуждение на заседании кафедры, вынесшей отрицательный приговор, уже прошла грозная экзекуция на специально созванном Совете института. Враги нашего кумира торжествовали.

Но тут, неожиданно для «неистовых гонителей», поднялась костромская молодёжь. В защиту любимого учителя она организовала петицию. Её скрепили своими подписями не только филологи.

К сожалению, я не сохранил копию этого письма, которое сочинял, уединившись в библиотеке. Помню, что речь в нём шла о благотворных переменах, наступивших в стране, о появлении нового поколения молодых преподавателей, которые являются выразителями этих назревших изменений, о несправедном, злокозненном неприятии, которое они встречают в лице старых педагогов-консерваторов.

Мы с Эдиком Копёнкиным обошли все комнаты в студенческом общежитии на проспекте Текстильщиков 14 с предложением-просьбой подписать это письмо. Входя в очередную комнату, Эдик говорил: «Значит, так! Берём быка за рога: вы знаете Николая Николаевича Скатова?!»

Конечно же, все его знали: ведь в институте тогда было всего три факультета по 50 студентов на каждом курсе. Некоторые студенты с других факультетов посещали его лекции. Не подписали письмо считанные единицы – комсомольские вожаки, близкие к начальству. Они и доложили в ректорат о нашей «преступной» акции.

В это время, весной 1961 года, Фёдора Марковича Землянского неожиданно для нас сменил на посту директора института Михаил Иванович Синяжников. Ему донесли, что самую «вредоносную» активность в поддержке Скатова проявили студенты второй группы четвёртого курса. Новый директор вызвал всю нашу группу к себе.

Мы расселись на стульях в его кабинете и ждали приговора. Помню, что Михаил Иванович держал в руках пластмассовый нож для резки бумаги, периодически постукивал им по письменному столу и внушительно утверждал после каждого удара, что мы поступили опрометчиво, что нас ожидают неприятности: «Николаю Николаевичу предъявлены серьёзные политические обвинения партийной организацией института, и ваше заступничество свидетельствует о мировоззренческой незрелости, достойной наказания по комсомольской линии».

Милый и добродушный Михаил Иванович уже не понимал, что от юношей шестидесятих годов такие «казённые» обвинения и приговоры по поводу партийной «линии» и комсомольской «ответственности» отскакивали, как от стенки горох. Старшее поколение, к которому он принадлежал, озадачивала и возмущала свобода и безоглядность в отрицании детьми того, что они, отцы, считали непререкаемым авторитетом, непоколебимым символом их веры.

Увещевания директора на нас не подействовали. Письмо мы послали в «Литературную газету». Кто-то подсказал, что его надо отпустить не в обычный ящик, а в почтовый вагон поезда «Кострома – Москва». Иначе его могут перехватить местные власти. Володя Афионов выполнил это поручение. Письмо дошло по назначению и возымело неожиданное для наших противников действие. В Кострому приехал авторитетный корреспондент «Литературной газеты», будущий директор Института мировой литературы Феликс Феодосиевич Кузнецов. Институтское начальство, ознакомившись с письмом студентов и почувствовав неприятности в случае его опубликования, не на шутку перепугалось. Ф. Ф. Кузнецова уговорили не печатать письмо в газете, заверив, что дело против Скатова останется без последствий.

Институтское начальство выполнило это обещание. Но в сентябре 1961 года Николай Николаевич Скатов покинул Кострому. В Ленинградском педагогическом институте

им. А. И. Герцена он подготовил и защитил докторскую диссертацию «Некрасов и русская лирика второй половины XIX – начала XX века». В течение многих лет он заведовал кафедрой истории русской литературы ведущего вуза нашей страны.

В 1987 году его назначили директором крупнейшего в нашей стране академического Института русской литературы (Пушкинского дома), избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР. Затем он стал членом президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, заместителем председателя экспертного совета ВАК РФ, главным редактором журнала «Русская литература». В течение восемнадцати лет Николай Николаевич возглавлял Пушкинский дом, сохраняя его научный потенциал в самые тяжёлые для нашей страны времена.

Человек мудрый и душевно щедрый, он простил причинённые ему в Костроме обиды. Связь с родным институтом, а потом и университетом он поддерживал всегда, причём связь действенную и результативную. Именно он приложил максимум усилий к формированию в Костроме научной литературоведческой школы, именно он участвовал в изданиях некрасовских сборников в качестве первоначального их редактора, именно он помогал костромичам в организации и проведении ежегодных литературоведческих конференций.

Счастлив тот человек, на пути которого встретился настоящий учитель. Я принадлежу к числу таких счастливых людей. Лев Толстой говорил: «Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, – он будет лучше того учителя, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он – совершенный учитель». Николай Николаевич Скатов был и остаётся для меня именно таким совершенным учителем.

Литература

1. *Бахмутский В. Я.* Пороги культуры. М., 2005.
2. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений: в 20 т. Т. 15, кн. 1. М., 1973.